

Пролог

Раненый князь Андрей Болконский точно так же лежал под высоким небом Аустерлица, раздумывая о вечности, силе и своей ничтожности перед миром, как и я в эту минуту.

Тогда вокруг свистели ядра, и меня тоже на секунду оглушило разорвавшимся снарядом, а затем наступила странная, звенящая тишина, из-за которой я еще больше перепугалась. Решила, что навсегда потеряла слух, но затем до меня донесся веселый беззаботный щебет птиц в высоких кронах. Яркое светило июньское солнце, жаркие лучи обжигали лицо... Будто ничего не было. Ни погони, ни слез, ни поцелуев под проливным дождем, ни поисков этих чертовых сокровищ...

Тело страшно ломило. Я попыталась пошевелить руками и ногами... Получилось. Значит, переломов нет. Не хватало в очередной раз сломать себе что-нибудь, находясь вдали от дома...

Я чувствовала себя разбитой, в животе все еще сжималось от страха. Где-то рядом прожужжал шмель. А потом я услышала знакомый и любимый голос, который звал меня по имени... «Си-ма! Си-ма!» Тогда я облизнула пересохшие губы и попыталась крикнуть в ответ: «Я здесь!», но не смогла... После пережитого не было

Ася Лавринович

сил. Не переставая улыбаться, я закрыла глаза. И вдруг поняла, что пусть я ничтожна перед этим небом в лохматых облаках, перед могучими зелеными кронами, перед птицами, перед всем сумасшедшим миром... Пусть. Все это больше не важно. Я отыскала сокровище, о котором раньше даже не мечтала. А еще у меня есть самое главное — жизнь. И я впервые за долгое время ее ценю и чувствую. И хочу чувствовать всегда.

Сезон первый

Серия первая, пилотная

Сима

Мама всегда твердила, что у меня «говорящая фамилия». Шац — «сокровище». Ее сокровище. Странно немного, что называла она так только меня, ведь у нас с папой одна фамилия. Мама же оставила свою девичью — Богомаз, в память о родителях. Фамилию мужа брать категорически отказалась. Хотя отношения у мамы и папы были прекрасными. По крайней мере, так мне всегда казалось. Они искренне и нежно любили друг друга еще со школы. Как и обещали, до того самого дня, пока их не разлучили страшные обстоятельства...

Да, «сокровищем» я была только для мамы. Остальные как-то не желали разглядеть во мне диковинную драгоценность. Скорее всего, потому что я ею и не являлась никогда. Обычная девчонка без выдающихся способностей. Таких пруд пруди. Внешность тоже самая заурядная — невысокий рост, темно-русые волосы и чрезмерная худоба, которая мне по жизни только мешала. Эти постоянные глупые вопросы: «Ты вообще ешь что-нибудь?», «Тебя ветром не уносит?», «Проверься, деточка, у врача. У тебя явно дефицит массы тела». Нередко приходилось отвечать таким «умникам», что дефицит исключительно у них в мозгах.

А еще мое имя... Его я ненавижу с детства. Се-ра-фи-ма... Мама назвала меня так в честь своей любимой

двоюродной бабушки, которую я и не видела никогда. Серафима. Сима... Может, это имя и шло моей старой дальней родственнице бабе Симе, но мне точно никак не подходило. Всю жизнь я мечтала, чтобы меня звали как-нибудь попроще... Обычно. Катя, Лена, Аня, Оля... Мало ли на свете таких имен. Но Се-ра-фи-ма?.. Моя мама, сама того не желая, очень нехорошо надо мной подшутила.

Был конец апреля, но день казался по-осеннему пасмурным и недобрым. В старом сквере ветер подгонял ворох прошлогодних листьев, раскачивал ветви еще голых деревьев. Дорога от дома до школы занимала полчаса, но я каждый раз плелась туда как на расстрел, поэтому путь казался мне бесконечным. Как-то не сложилось у меня с новой школой. С учебой, с учителями, с одноклассниками... В элитную гимназию я перевелась в начале восьмого класса благодаря маминой лучшей подруге, которая работала здесь директором. Но влиться в коллектив у меня так и не получилось. Новый класс оказался просто кошмарным. Недружелюбные, озлобленные, избалованные детки местной элиты. Если у тебя нет денег на новый айфон и модные шмотки — то ты здесь не крутой. Разумеется, я не прижилась. И все бы ничего, сдались они мне все... Если б меня не трогали. Но периодические смешки и подколы выводили из себя. А с недавнего времени особо «одаренные» перешли от слов к действиям. То рюкзак из раздевалки пропадет, то в душевой после физкультуры запрут. И как любить эту школу? Мне давно пора было дать им отпор. Только чаще всего духу не хватало. Да и связываться со всякими дурами не особо хотелось. Но все-таки я допускала мысль, что когда-нибудь мое терпение лопнет и я им всем покажу... Но в тот день, пересекая безлюдный тихий сквер, я и подумать не могла, что отпор придется давать так скоро...

В школу я явилась чуть ли не со звонком. Долго простояла в очереди в гардеробе, а когда зашла в класс, географа все еще не было. Зато все «любимые» одноклассники расселись по своим местам. По кабинету пробежал странный шепоток, и я заметила, что практически все взгляды устремлены только на меня. И, не чуя подвоха, я все-таки поплелась к своему месту — последней парте в третьем ряду. С моим ростом и не очень хорошим зрением — не самое удачное место. Но никто уступать мне не захотел. Учителя тоже не были заинтересованы в том, чтобы пересадить меня ближе. Толку от такой ученицы, как я, на уроках мало. На занятиях я преимущественно отмалчивалась и никогда не проявляла инициативу.

— Доброе утро, — буркнула я своему соседу по парте, Стасу Петрушину, и бросила рюкзак на стол. Стас быстро и как-то затравленно поднял на меня глаза, а затем тут же их опустил и устался в раскрытый учебник.

Я плюхнулась на стул и почувствовала что-то мягкое и мокрое под своей пятой точкой. И звук при этом в непривычно тихом классе раздался какой-то странный, чавкающий... Я тут же привстала и обнаружила под собой неоновую салатовую слизь. Тягучую и неприятную. Чао-какао моим джинсам. Единственные приличные, между прочим... Теперь придется ходить на уроки в этой ненавистой юбке от школьной формы. Через пару парт от меня слышался противный смешок. Тут к гадалке не ходи... Эту гадость мне на стул подложили Даша Бурыкина и Юлия Шандарева. Не знаю, почему они невзлюбили меня с самого начала... Только уже два года прохода не давали.

Я продолжила с невозмутимым видом сидеть на этой неприятной жиже. Географ по-прежнему не приходил. Оглядела притихший класс, при этом поочередно встре-

чаясь с насмешливыми или сочувствующими взглядами. Они все знали, что произойдет, и никто меня не предупредил. Даже Стас. А это было обиднее всего. Его поступок я расценила как предательство.

— Ну ты и сволочь, Петруша, — негромко сказала я.

Стас по-прежнему не поворачивал ко мне головы.

— А я че?

— Действительно.

Мне казалось, что Стас — единственный, кто в этом классе принял меня. Мы с ним довольно сносно общались и даже давали друг другу списывать.

Стас молчал, понуро опустив голову. В классе он, как и я, не пользовался особым авторитетом, поэтому лишний раз предпочитал молчать в тряпочку. Но то, что он и в этот раз останется в стороне, стало для меня ударом.

— На чем хоть я сейчас сижу? — угрюмо спросила я, доставая из рюкзака тетрадь и учебник. Вскидывать с места и на глазах у всех позорно убегать в туалет с зеленым мокрым задом пока не хотелось. Еще успеется. Не хватало только разреваться горячими слезами при всем классе.

— Это слайм, — «обрадовал» меня Стас.

— Чего-чего?

— Ну ты и деревня, Сима. Слайм... Моя сестренка такими увлекается.

— И-и-и? — протянула я с кислым выражением лица.

— И-и-и, кажется, это не отстирывается, — с сожалением в голосе сообщил Стас. А затем негромко добавил: — Прости меня.

Сердце все-таки предательски громко заколотилось. Это только первый урок, и уже такая подстава. Кто до этого додумался? Уставившись перед собой в одну точку,

я долго смотрела на доску, стараясь все-таки не заплакать. А когда отвела от доски глаза, то сразу встретила взглядом с Дашей Бурыкиной.

— Ну как тебе сюрприз? — криво усмехнувшись, спросила Даша.

Все-таки это они. Мне хотелось их убить. Прямо здесь придушить, при полном классе, до прихода географа. Но перед этим высказать все, что накопилось. Но я почему-то молчала. В горле образовался неприятный ком, который никак не сглатывался. Бурыкина и ее закадычная подружка Юлия Шандарева и раньше устраивали подлянки, но делали это после уроков, когда поблизости никого не было. Наверняка это они заперли меня в раздевалке... У меня не было доказательств, чьих это рук дело. Но я всегда знала, кто не дает мне жизни в этой школе. Как-то еще в восьмом классе я поспорила с ними, и вот же — прицепились и все никак не отвязнутся.

— Шац, солнышко, ты оглохла? — пощелкала пальцами Шандарева, чтобы привлечь к себе мое внимание.

А я не могла взять в толк: с чего это они вдруг осмелели и решили действовать в открытую, перед всем классом? И почему остальные их боятся? Две тупые выскочки, которые возомнили себя королевами школы.

Я не находила обидных слов в ответ. Я вообще никаких слов не находила.

— Цукерберг ходит в одной футболке, потому что не парится над имиджем, — язвительно начала Шандарева.

— Но Симка — не Марк, — возразила Бурыкина.

— Точно, совсем не Марк. У Марка просто сотни одинаковых футболок, а у Шац одни штаны на все случаи жизни...

— Зачем вы это сделали? — перебила я их дурацкое выступление. Наверное, они думали, что со стороны это

может показаться смешным. Но мне было совсем не до смеха. Из-за негодования и скопившихся в горле слез мой голос прозвучал глухо и незнакомо.

— Нам стало интересно, есть ли у тебя другая одежда.

— Ты эти джинсы стремные хоть стираешь?

— Придешь завтра в школу без штанов?

— Наверное, все шмотки папаша пропил, — предположила Шандарева и противно заржала. Тут я не выдержала и все-таки вскочила с места. Стул со страшным скрипом проехался по паркету, а затем с шумом грохнулся на пол.

— Сима! — испуганно воскликнул Стас, хватая меня за руку. — Куда тебе...

Действительно, куда мне? Шандарева и Бурыкина были выше на целую голову. Юлия даже моделингом занималась. Но это не означало, что я пропущу мимо ушей обидные слова, которые касаются моего отца.

— Что ты задумала? — зашипел мне вслед Петрушин.

Остальные продолжали смотреть на меня с интересом. Эти две коровы с места не сдвинулись и принялись ждать, когда я к ним подойду. Быстрым шагом я прошла мимо их парты, по пути прихватив чью-то сумку, которая лежала на краю стола.

— Эй, Шац, ты офигела? — вскочила со своего места Юлька и двинулась за мной. Я же проворно юркнула между рядов, подскочила к окну и, раскрыв его, выкинула сумку со второго этажа. Шандарева заверещала как резаная:

— Идиотка! У меня там косметичка и телефон!

Когда я это делала, честно, не думала о последствиях. В голове будто туман был, который тут же рассеялся, когда я заметила, как из-за парты выбирается разъяренная Дашка. Вдвоем они подскочили ко мне практически одновременно. Шандарева схватила меня за волосы

и потянула вниз, пытаясь повалить на пол. Я, разумеется, упиралась. Рядом с доской и учительским столом началась шумная возня. Я старалась не кричать и тоже схватила Юльку за волосы. Мне даже удалось выдрать клочок наращенной светлой пряди. Шандарева в отличие от меня не молчала, а верещала; Бурыкина больно царапалась. Никто не спешил ко мне на помощь и не хотел нас разнимать. Я не видела лиц «любимых» одноклассников, но была уверена, что многие в этот момент схватились за смартфоны. Что ж, отлично... Прославлюсь на всю школу. Это в лучшем случае. В худшем — на весь город.

За меня никто не болел. Силы оказались не равны. Одноклассники подбадривали Юльку с Дашей. И тем все-таки удалось повалить меня на пол. Разъяренная Шандарева ударила по лицу. Я, стиснув зубы, пихалась ногами и молила бога, чтобы географ скорее пришел в класс. Но, как назло, его не было. Я махала руками и царапалась в ответ. Сердце тяжело билось, в голове шумело, адреналин бурлил в крови. Впервые в жизни я решила дать сдачи...

Все закончилось неожиданно. Разъяренные Шандарева и Бурыкина как-то резко отлетели в стороны, а меня одним рывком подняли, как тряпичную куклу. Я так и осталась стоять с длинной светлой прядью в руке.

— Вот тварь какая! — прошипела Юлька, ощупывая свою растрепанную голову.

— Сумку иди ищи в кустах, а то утащат барахло, — посоветовала я, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

Шандарева снова было ринулась на меня, а я собиралась наброситься на нее в ответ... Но тот, кто нас разнял, притянул меня и прижал к себе. Затылком я почувствовала чью-то крепкую грудь.

— Совсем сдурели? — услышала я над ухом хрипловатый голос одноклассника — Льва Стаховича.

— Лева, она мою сумку из окна выбросила! — капризно надула губы Шандарева. Я, глядя на нее, едва сдерживала нервный смех. Не знаю, как сама выглядела со стороны, скорее всего, неважно, но Юлька смотрелась весьма потешно. Все-таки удалось и мне ей как следует вмазать. Лохматая, расцарапанная и страшная, как смерть. Значит, не в весе и росте дело...

— Лева, осторожно, у нее задница грязная, — предупредила Бурыкина.

Лев легонько меня оттолкнул, и я резко обернулась. Противный зеленый слайм, сползающий с моих джинсов, отпечатался и на школьных брюках Стаховича. Пол, на котором я валялась, тоже был зеленым и липким.

Лев оглядел свои испачканные штаны и поднял на меня темно-карие глаза. Такие колючие, что мне на секунду стало не по себе. Я понятия не имела, сколько стояли его брюки. Наверное, дорого. Но я уж точно не нарочно их испачкала, Лев сам ко мне прилип. Нечего было жаться... Конечно, в любое другое время я бы жутко смутилась, если бы Стахович вот так прижал меня к себе... Если честно, Лев мне всегда немного нравился. Совсем чуть-чуть... И я могла бы сейчас точно так же, как и овцы-одноклассницы, заблеть: «Лева! Они мне на стул эту гадость вылили!», но я лишь сказала:

— Эти дуры первые начали.

— Ты кого дурами назвала? — в один голос заверещали Шандарева и Бурыкина.

Дашка снова собралась кинуться на меня с кулаками, но Лев встал между нами и схватил Бурыкину за руки.

— Успокойся, — грубо сказал он. — Хочешь, чтобы у тебя были проблемы?

— Было бы из-за кого, — глядя исподлобья, фыркнула Даша. — Это ее отчислить надо. Или засудить. Чужое имущество портит.

Шандарева, словно только вспомнив о выброшенной сумке, вылетела из кабинета, едва не сбив с ног растерянную русичку, которая заглянула к нам.

— Анатолий Валентинович попал в больницу с высоким давлением. Урока географии не будет, — сказала она. А затем внимательно осмотрела притихший класс. — Вместо этого я проведу русский язык. А что здесь, собственно, происходит?

Теперь она не сводила взгляда с меня и потрепанной Дашки. Но мы молчали. Разумеется, до поры до времени. Стерва Бурыкина не выдержала и плаксивым голосом начала:

— Шац Юлькину сумку из окна выкинула! А там айфон и дорогая косметика...

— А еще люди под окнами ходят, — подал голос с первой парты ботаник Антон Шаврин.

— Там тупик и газон, — тут же огрызнулась я. — Никто под окнами не ходит.

Русичка уставилась на Льва, чтобы он прояснил ситуацию, но Стахович сердито буркнул:

— Я ничего не видел, опоздал. Пришел, а они уже дерутся.

— Серафима, это правда? — нахмурившись, спросила русичка.

— Правда, — негромко отозвалась я. Но из-за чего все началось, говорить не хотелось.

— Они ей лизуна на штаны прилепили, — наконец выкрикнул Стас.

— Единственные, между прочим, — заржали с задней парты первого ряда.

— Обе марш к директору, — строго велела русичка. — Госпожа Шандарева вернется, и ее пригласим. Стахович, проконтролируй, чтобы до кабинета голубушки наши все-таки дошли...

— Ага, — отозвался Лев таким тоном, в котором читалось: «Делать мне, конечно, больше нечего».

В сопровождении Стаховича мы с Бурыкиной поплелись в кабинет директора. А я в очередной раз подумала о том, как сильно хочу сбежать из этой ненавистой школы и больше никогда в нее не возвращаться.

Лев

Когда мы втроем вышли из класса, Бурыкина, осмотрев Шац и презрительно фыркнув, первая гордой походкой направилась по коридору. Сима как-то затравленно посмотрела ей вслед, а затем, скользнув по мне взглядом, последовала за Дашей.

— Сима, — позвал я, когда Шац ушла немного вперед.

— Чего тебе? — не очень вежливо отозвалась Сима, обернувшись. — За брюки испачканные извиняться не буду. Сам ко мне приклеился.

— Плевать на брюки, — сказал я, хотя, честно признаться, это было не так. — Держи.

Я протянул ей свой школьный джемпер. Понятия не имею, зачем это сделал. Просто захотелось. Столько смешков доносилось в сторону Шац, стало ее жалко. Учítывая, какая ситуация произошла у нее в семье... Тетка тогда нам с Лилей все уши про это прожужжала.

— Хочешь, чтобы я и его замарала? — искренне удивилась Сима.

— Плевать, — снова сказал я.

— Конечно, у тебя... у вас всех. Это ведь не единственные шмотки, — рассерженно проговорила Шац. Будто в этом была наша вина. — Легко быть благородным.

Я ни разу не общался с Симой, но всегда думал, что она немного чокнутая. Нелюдимая и сложная. Что трудного просто принять помощь, если тебе ее искренне предлагают?

— Ну и ходи с липким зеленым задом, — сказал я, пожав плечами. Накинул джемпер обратно на плечи. Не на коленях же мне ее умолять.

— Да запросто, — хмыкнула Сима, развернувшись. — Пусть это будет моей фишкой.

Она снова двинулась вслед за Бурькиной к кабинету директора.

— Такая себе фишка, — возразил я, зачем-то по пути продолжая пялиться на зеленую задницу Симы. Стоит признать, что эти джинсы очень даже неплохо сидели на Шац.

— Какая есть. Надо будет, я и завтра так приду.

Я не знал, кому это может понадобиться, но почему-то в Симе не сомневался. И еще почувствовал себя очень глупо, следуя за Бурькиной и Шац. Вообще меня бесила эта роль конвоя, которой наградила меня русичка. Будто девчонки сами заблудятся. Но когда директриса — твоя тетка, все думают, будто ты автоматически становишься ее правой рукой...

На обратном пути встретил в коридоре Шандареву с зареванным лицом и сумкой под мышкой. Подумал, что теперь все-таки влетит Симе...

Когда я вернулся в кабинет, одноклассники сидели с кислыми рожами из-за незапланированного урока русского языка. Только я занял свое место, как ко мне тут же склонился сосед по парте Игорь Пашнин:

— Ну че, опять вчера встречался с Белорецкой?

Я уже жалел, что рассказал ему об Аксинье. Хотя он сам обо всем догадался, когда на одном из уроков при входящем вызове на экране высветилась ее фотка... Аксинья Белорецкая училась в нашей гимназии, выпустилась в прошлом году. Уже пару лет я был в нее влюблен. А два месяца назад мы пересеклись в одной компании, и я, набравшись смелости, наконец смог с ней пообщаться. Оказалось, я тоже был симпатичен Аксинье, и ее даже не смущала наша разница в возрасте. Не знаю, для чего я в итоге растрепал о наших отношениях Игорю. Похвастаться хотел, наверное. Аксинья считалась самой симпатичной девчонкой в нашей школе. После того как она выпустилась, никто не смог занять ее место.

Но теперь я жалел о том, что Пашнин все о нас знает. Игорь мог опошлить любой разговор, и это в нем сильно раздражало.

— Встречался, — сухо ответил я, открывая тетрадь и выписывая из учебника номер упражнения.

— И че?

— Че?

— Как?

— Норм.

— Ну, старичок, это несерьезно, — забубнил Игорь, склоняясь ко мне все ближе и прячась от русички за впереди сидящими. Я почувствовал, что от Пашнина несет перегаром. — А подробности?

Я продолжил молча переписывать упражнение, давая понять, что не желаю делиться с ним никакими подробностями. Но Игорек не отлипал.

— А мы вчера завалились в один классный бар, обмывали права братишки...

— Я заметил, — хмыкнул я, имея в виду перегар и помятый вид одноклассника.

— Не был бы батя на больничном, я б в школу на фиг не пришел, — продолжил Игорь. Наконец русичка сделала ему замечание.

— Если вызовет к доске и почувствует, что от меня несет, мне не жить, — проворчал Игорь, опуская голову. — Я вообще-то тоже на батину тачку рассчитываю.

Мне было плевать, на что там рассчитывает Пашнин и получит ли он вожденную тачку. Делиться с ним подробностями наших с Аксиньей встреч я точно не стал бы. Игорь мне никто. Вот Макс Марвин — друг детства, это другое. Благодаря ему мы с Аксиньей и стали общаться теснее... Марвин тоже окончил гимназию в прошлом году. Раньше учился с Аксиньей в одном классе. Он всегда знал, что я сохну по Белорецкой, а тут подвернулся такой шанс, и он нас свел...

Упражнение делать было лень, поэтому я плюнул на все, отложил ручку и зашел в телефон. Переписывался с Аксиньей почти весь урок. Она в это время тоже сидела на лекции и скучала. Лишь изредка я хватался за ручку и делал вид, что что-то пишу. Пару раз ловил любопытный взгляд Игоря. Пашнин довольно улыбался и играл бровями: «Ты сейчас с ней? С ней, да? Счастливчик... Ух, я бы...» Тогда я отвернулся и больше не смотрел в его сторону.

Ближе к концу урока в класс вернулись Шандарева с Бурыкиной, а Шац так и не пришла. Когда прозвенел звонок, все быстро повскакивали со своих мест и, наспех собрав сумки, направились к выходу. Я оглянулся. Стас Петрушин тоже поднялся, растерянно оглядел разложенные на парте вещи Шац, немного поколебался и, все-таки закинув за спину свой рюкзак, направился к двери. А я почему-то завис. Будто мне больше всех надо. Но утренняя драка выбила меня из колеи. Не скажу, что

увиденное доставило мне удовольствие, хотя другие одноклассники улюлюкали и даже снимали происходящее на камеру. У меня же после случившегося остался какой-то неприятный осадок. Я вспомнил растерянное и перепуганное лицо Шац... Поэтому, когда класс уже наполовину опустел, подошел к последней парте третьего ряда и быстро поскидывал в чужой рюкзак разложенные вещи.

Даша с Юлей, негромко переговариваясь, до сих пор находились в классе.

— Левик, отлично! — сказала Бурькина. — Как соберешь ее пожитки, дай мне... Я с крыши спущу. Или в унитазе утоплю.

— Обязательно, — ответил я, не поднимая головы. Взял тетрадь Шац и зачем-то ее пролистал. Тетрадь не заполнена даже наполовину. Сима не особо парилась с ведением конспектов...

— Эта дура палетку теней за два косаря кокнула. Новую должна будет, — сказала Шандарева.

— Ты ей так-то тоже джинсы новые должна, — возразил я.

На это Юля лишь презрительно фыркнула:

— Да они ничего не стоят. Мы ей одолжение сделали вообще. Эти штаны давно пора на помойку отнести.

— Вы и мне брюки испачкали.

Юля с Дашей переглянулись и расхохотались:

— Ты, Левик, сам полез нас разнимать, тебя никто не просил. Если б ты не ввязался, мало бы ей не показалось.

Я вспомнил расцарапанное лицо Симы и решил, что ей и так неплохо досталось. Хотя Шандарева выглядела хуже. Забавно, раньше Юля казалась мне очень симпатичной. Но сейчас я почувствовал к ней брезгливость.

— Все равно стрясу с нее деньги за палетку, — сердито проговорила Шандарева. — И за телефон.

— Все-таки разбился? — спросил я.

— Фронталка больше не работает. Как селфи делать?

Я сомневался, что у Шац найдутся лишние деньги на косметику и ремонт айфона.

Собрав рюкзак Симы, я закинул его за левое плечо. Так и направился с двумя рюкзаками к выходу.

— Ты серьезно просто так его отдашь ей? — хмыкнула в спину Даша. — Ты, Левик, сегодня мистер благородство просто... Бросил бы тут.

— А мы бы пнули, — добавила Юля.

Интересно, чем так насолила Шац этим двум курицам? За бестолковым трепом с одноклассниками прошла пятиминутная перемена, и к кабинету директора я подходил уже со звонком на следующий урок. Мимо пронеслись галдящие пятиклассники. Тут же распахнулась дверь директорского кабинета, и показалась голова Симы. Шац воровато огляделась и, не заметив меня, вышла в коридор и гордо направилась в противоположную сторону от лестницы. Будто и не собиралась возвращаться в кабинет географии за рюкзаком.

— Шац! — окликнул я. Коридор быстро опустел. Сима обернулась и уставилась на меня, как на врага. Я даже опешил от ее сердитого взгляда. Будто это я драку затеял.

— Чего тебе? — грубо спросила она.

Ни фиги себе! Я ее сначала вытягиваю из потасовки, потом ей рюкзак собираю после уроков, как последний идиот, а она со мной разговаривает будто с ничтожеством.

Шац как-то странно покосилась на меня, а потом выпалила:

— Эти двое в кабинете Антонины Юрьевны все уши мне прожужжали про тени за две штуки... И сломанный айфон! Какой дурак купит такие дорогие тени? А ты по поводу брюк?

— По поводу брюк? — непонимающе отозвался я.

— Еще и за брюки твои стремные платить не буду, — буркнула Шац. — Идите вы все...

Ее фраза меня еще больше выбесила. Сказал же, что замляли. К чему она вообще?

— Почему это они стремные? Это «Хуго».

— Ху... А?

— «Хуго», — повторил я.

— Во-во, именно что... Ничего не буду тебе платить за всякие хуговые вещи.

— Тогда постирай, — разозлившись, неожиданно сказал я.

— Чего-о? — протянула Сима.

— Стирай.

Шац усмехнулась и гордо вскинула подбородок.

— Снимай, — приказала она мне в ответ и коварно улыbnулась.

Тогда я послушно звякнул пряжкой и потянул край ремня, а Шац тут же переменялась в лице, заметно смутилась и выпалила:

— Стахович, ты совсем придурочный?

Ее напускная маска крутой и грубой девчонки тут же куда-то подевалась.

— А что? — пожал я плечами, продолжая расстегивать ремень.

— Прекрати! — взвизгнула Сима, когда я следом расстегнул пуговицу на ширинке. — Мы же в школе!

Разумеется, я не планировал снимать брюки посреди коридора, пусть даже и во время урока, когда здесь никого не было. Но реакция Симы меня позабавила. А еще строит из себя такую дерзкую.

Симино «Прекрати!» разнеслось по пустому коридору. Дверь директорского кабинета тут же открылась, и на пороге показалась Тоня.

В поисках сокровища

— Что случилось? — спросила она, с удивлением осматривая нас. Я уставился на Шац. Взгляд Симы метал молнии.

— Да так, общаемся, — отозвался я, застегивая ремень.

Шац обхватила лицо ладонями, а затем развернулась, чтобы убежать. Но я снова ее окликнул:

— Стой! Рюкзак твой!

Наконец Шац заметила, что за спиной у меня находится ее рюкзак. В ее глазах мелькнули недоверие и тревога. Сима вырвала у меня из рук свой рюкзак, буркнула «спасибо» и убежала.

В тишине было слышно, как мерно стучат ее каблуки на лестнице, а из приоткрытой двери класса в конце коридора доносится голос англичанки: «Let's continue from here...»

— Ты ее обижал? — строго спросила Тоня.

— Она сама кого хочешь обидит, — буркнул я.

— А почему ты не на уроке?

— Вещи Шац приносил. Она рюкзак из кабинета взять не успела... Дорогая Антонина Юрьевна, ты подумала о моем предложении?

Тоня посмотрела по сторонам, взглянула на наручные часы... Затем кивнула, приглашая меня в свой кабинет:

— Ладно, проходи. Что у вас сейчас? Геометрия? Скажешь, что я тебя задержала...

Серия вторая

Сима

Ляля болтался на турнике как сосиска. Пыхтел, сосредоточенно таращась в грозное темное небо, и на меня не обращал никакого внимания. А я, между прочим, уже несколько минут стояла недалеко от него. В закутке, нашем тайном месте. Турник и деревянную беседку от посторонних глаз укрывали кустарники. Правда, сейчас они стояли голыми... И «тайное место» на самом деле совсем не было тайным. По вечерам здесь собирались шумные компании из нескольких дворов. Кругом валялись пивные бутылки и окурки.

После посещения кабинета директора я решила не возвращаться в класс. Учебный день был потерян, но это меня не очень-то и расстраивало. Не могла же я ходить на все оставшиеся уроки в грязных штанах? В туалете сняла клетчатую рубашку и повязала ее на бедра, скрыв зеленое пятно на заднице. На голое тело натянула вязаный жилет от дурацкой школьной формы и сверху накинула куртку. Без рубашки жилет колол живот, и я довольно долго привыкала к этому неприятному ощущению, когда все тело чешется.

Видеться с «любимыми» одноклассниками больше не хотелось. Ни с идиотками Шандаревой и Бурыкиной, ни с предателем Стасом Петрушиным, ни со Стаховичем...

Наш странный разговор со Львом в коридоре никак не выходил из головы. Почему я ни с того ни с сего наехала на него? После мозготрепки в кабинете директора решила, что и он попросит расплатиться за испорченную вещь. Хотя моей вины в том, что я испачкала ему брюки, не было. А тут он вдруг помощь предложил. Думала, Лев и не знает, как меня зовут...

Беседа со Стаховичем стала событием ярче, чем моя первая в жизни драка. Хотя и она, безусловно, оставила свой след на душе... Позорная, неприятная стычка, о которой хотелось скорее забыть. Да, обидчицы меня повалили на пол. Но я не сдалась и дала отпор. Я была горда, что все-таки смогла ударить в ответ.

И если бы не Антонина Юрьевна, я бы никогда не вернулась в эту школу. Забрала бы документы и забыла обо всем, как о страшном сне... Все мои неприятности начались с этой чертовой элитной гимназии. Раньше у меня была семья, нормальные одноклассники и даже школьные друзья... А потом все стало так стремительно рушиться, что я даже не сразу поняла, как это произошло.

После того как Антонина Юрьевна отпустила Шандареву с Бурыкиной, она взялась за меня. Снова начала твердить, как сильно волнуется и готова прийти мне на выручку в любую минуту. Я чувствовала, что она искренне желает мне самого лучшего. Все-таки она знает меня с самого детства... И осталась единственным близким взрослым человеком, не считая отца. С нашей драки Антонина Юрьевна постепенно переключилась и на мою успеваемость. Вернее сказать — неуспеваемость. Нервно кусая губы, я все-таки пообещала, что возьмусь за ум и исправлю оценки. Я неплохо понимала точные науки, а вот к некоторым гуманитарным предметам не готовилась из принципа. Особенно к занятиям исторички... Хотя, ско-

рее, — маразматички. Не знаю, как ее вообще допустили к работе с детьми... Она явно выделяла нескольких любимчиков, и я к ним не относилась. На кого-то историчке было плевать, а некоторых она откровенно гнобила. В том числе и меня. Она постоянно твердила, что я ленивая, глупая и в этой жизни ничего не добьюсь. Сначала мне хотелось доказать ей обратное и разубедить... Но все мои старания были тщетны. Историчка продолжала меня ненавидеть. В конце концов, я все-таки плюнула на все и поплыла по течению... Просто назло перестала готовиться к истории.

Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове, пока я, привалившись плечом к опоре беседки, «любовалась» на то, как Ляля безвольно болтается на турнике. Друг, раздетый по пояс, меня не замечал. Продолжал пыхтеть и хвататься за перекладину. Куртку и толстовку бросил на землю недалеко от турника. На улице было прохладно, поэтому я, глядя на эту картину, поежилась.

— Лялин, ты выглядишь как кусок мяса на вертеле, — все-таки не сдержалась и подала я голос.

Ляля перепугался, отпустил перекладину и опустился на землю.

— Симка, ты че так пугаешь? — насупился друг, потирая ладони.

Я только звонко расхохоталась.

— У тебя какие-то проблемы? Ты чего повесился-то?

— Вот дура. Сама повесилась. Это я просто это... Уже устал... А так — почти сто раз подтянулся.

— Ну-ну, — хмыкнула я.

— Что «ну-ну»? Честное слово!

Ляля казался оскорбленным до глубины души. Я снова рассмеялась.

— Да верю я тебе, верю, — сказала я.

Вообще для своих шестнадцати Ляля был довольно крепким парнем. Выше меня на целую голову (хотя с моим ростом практически все парни были намного выше), широкий в плечах. Единственное, что выдавало в нем мальчишку, — белокурые кудряшки и ясные голубые глаза. А еще поздно сломавшийся голос, которого Ляля очень долго стеснялся. Друг до сих пор временами переходил на фальцет, чем очень меня веселил.

— Просто ты поздно пришла. Уже и отдохнуть нельзя, — продолжил ворчать Ляля, наклонившись за своей толстовкой. Куртку надевать не стал, просто перекинул через плечо. Эта куртка была Ляле уже давно мала, рукава на ней явно коротки.

— А ты чего сегодня так рано? С уроков смылась? — деловито осведомился друг.

— Ну. Что там делать? — откликнулась я, машинально поправив рубашку на бедрах. Ляля проследил за моим движением, оглядел прикид и странно хмыкнул. Наверное, решил, что такую «моду» я подсмотрела у своих обеспеченных одноклассниц.

— А я вообще сегодня в школу не пошел, — наконец сказал Ляля. — Ты права, делать там не фиг. Кидай свой ридикюль на лавку.

Я сняла с плеча рюкзак и снова вспомнила о том, как Стахович передал мне его в коридоре. Зачем он собрал за меня сумку? Кто его просил? Почему именно он? Такая вроде бы мелочь, а засела ж в голове. Мы и не общались с ним до этого ни разу... Может, он в рюкзак какую-нибудь гадость подложил по наводке Шандаревой? Ну, не искренне же захотел помочь?.. А вдруг все-таки поступил так от чистого сердца? В школе я не особо распространялась о том, что происходит в моей семье... Но Стахович наверняка в курсе всего. Антонина Юрьевна запросто мог-

ла рассказать все своему племяннику. А Стахович просто смиловился. О боже! Наверное, так и есть. Меньше всего на свете хотелось, чтобы меня жалели... Наверное. Тем более Стахович. Хотя Лев не производил впечатление сердобольного человека. Вечно колючий и угрюмый, будто обиженный на весь свет. До сих пор загадка, почему остальные к нему тянутся и чуть ли не в рот заглядывают, ожидая одобрения.

— Симка, ты чего на ходу заснула? — позвал меня Ляля.

— А? — тут же откликнулась я, так и зависнув с рюкзаком в руках.

— Вещи, говорю, бросай и присаживайся. Я тебе тут, между прочим, поляну накрыл. — Ляля широким жестом указал на беседку. И только сейчас я заметила на деревянной скамейке несколько небольших ящичков с какими-то неизвестными мне фруктами.

Я с подозрением уставилась на друга. С чего это вдруг он решил меня угостить? И как узнал, что я приду раньше из школы? Хотя в этой беседке мы проводили все свое свободное время с тех пор, как на улице потеплело. Место встречи изменить нельзя.

— Что это? — спросила я, оглядывая невиданные фрукты. Я признала содержимое лишь одной коробочки, в которой лежала клубника. — Откуда ты ее взял? Сейчас же еще не сезон. Она дорогушая.

— Угощайся, угощайся, — великодушно приговаривал Ляля, поглядывая на меня сверху вниз.

— А это что такое-то? — Я взяла одну из коробочек, в которой лежали странные шарики.

— Ты, Серафима, деревня, что ли? Там же все подписано.

«Деревней» меня сегодня называли уже второй раз за день. И первое мое «открытие» в виде слайма ничем хо-

рошим не закончилось... Я снова с недоверием покосилась на Лялю. Наверняка сам не знает, что это, а еще умничает.

— Ман-гос-тин, — все-таки прочитала я. — А это? Ой, какие ежики смешные...

— Какие ежики? — вытянул шею Ляля. — Фаршированные?

— Это рамбутан! — счастливо хохотнула я. — Интересно, это вкусно? А вот ежик побольше... Ду-ри-ан!

Ляля с умилением смотрел на то, как я с восторгом разглядываю экзотические фрукты. И вообще выглядел таким довольным, будто сам все это вырастил на своей фазенде.

Ляля вынул руки из карманов спортивных штанов и подошел к лавке.

— Ну, двигайся, — подтолкнул он меня бедром, усаживаясь рядом, хотя на лавке еще было достаточно места. — Начинаем дегустацию! Ты бы что хотела первым попробовать?

Я указала пальцем на странную колючую шишку. Ляля достал перочинный нож, чтобы разрезать неизвестный нам ранее дуриан. Мы с Лялей в четыре руки кое-как его раскрыли и обнаружили странноватую желтую мякоть...

— Фу, ну и вонь, — поморщился Ляля, принюхиваясь.

— Просто чудовищная, — согласилась я.

— Он хоть не протух?

Мы тянули с дегустацией. Морщились и переглядывались, а затем все-таки разом решились. Ляля даже зажмурился на секунду. Жевали долго и при этом смотрели друг на друга, как два дурня.

— Ну как тебе? — первым спросил Ляля. Рот его забавно скривился.

Я в ответ лишь неопределенно пожала плечами.

— На банан немного похоже. Кажется...

Ляля выплюнул диковинный фрукт.

— Фигня какая-то, — сказал он.

И хотя вкус у этого дуриана был все-таки лучше, чем запах, я тоже решила обойтись без добавки.

Друг протянул мне поддон с клубникой.

— На вот, заешь. Это хоть известное...

Но клубника на вкус оказалась пластиковой.

— И за что такие бабки с людей дерут? — возмущался Ляля.

— А сколько это стоит? — спросила я, с увлечением жуя клубнику. И пусть она оказалась не такой вкусной, как летом, аромат от нее шел просто невероятный. Он смешался с запахом весеннего грозового неба. Я даже на секунду забыла о всех неприятностях, которые поджидали меня в школе и дома. Вспомнила, как в детстве мы с папой ездили к маме в санаторий и покупали клубнику у старушек, торгующих у дороги. Тогда вокруг еще пахло пионами, и ароматы кружили голову. А над головой — синева. Бесконечная, беззаботная, летняя синева.

— Без понятия, — ответил Ляля, отправляя в рот очередную ягоду. — Так, а это у нас что? Так и не поймешь. То ли апельсин, то ли луковица... Не хочу первым пробовать. Сима, ты же у нас баба рисковая...

— Погоди, погоди! — перебила я Лялю, не дожидаясь клубнику. Она у меня тут же поперек горла встала. И вся счастливая синева из головы улетучилась. — То есть как это ты без понятия? Ты это не купил?

— Шац, ты дура? — искренне удивился Ляля. — Откуда у меня, по-твоему, бабки на этот дуриан? Хоть знаешь, сколько он стоит?

До сегодняшнего дня я даже не знала, что это такое... Что уж говорить о его стоимости. И только тут я обра-

тила внимание на небольшой фургончик, стоящий рядом с фруктовой палаткой, которую держали крепкие ребята-кавказцы.

— Знаешь, Лялин, кто здесь единственный дуриан? Это ты, идиот! Ты своровал все эти фрукты?

— Ш-ш, Сима, — зашипел на меня Ляля. — Не так громко, пожалуйста.

Я принялась оглядываться. Листвы еще не было, и сквозь голые ветви кустарников нас было видно как на ладони.

— Не так громко? Ляля, ты — вор!

— Я — дегустатор, — важно поправил меня Ляля.

— Дегустатор фигов, мы ж прямо перед их глазами сидим и дегустируем!

— Да ладно тебе, они еще не хватились. Не разгружали товар... Нечего без присмотра оставлять.

Тут же из палатки вышел хозяин — внушительных размеров мужчина. А вместе с ним еще два крепких парня с такими суровыми лицами, что аж дурно стало. Мужики курили, поглядывали на неразгруженный фургон и о чем-то негромко переговаривались. Мы сидели прямо напротив, и у меня от страха даже в висках застучало и в кончиках пальцев.

— Ляля, воровать нехорошо! — снова воскликнула я, не отрывая взгляд от курящих мужиков.

Вот один из них щелчком выбросил окурочек и подошел к открытому фургону. Долго рассматривал содержимое, потом подозвал к себе остальных мужиков. Те тоже докурили и принялись глазеть на ящики... Потом самый главный завертел головой, а его друзья принялись пересчитывать коробки.

У меня упало сердце. Ведь беседа как раз была в поле зрения этих мужиков. Единственное, что могло спасти, —

это то, что они не могли посчитать нас такими идиотами, чтобы жрать сворованное на чужих глазах. Правда, они не учли тот факт, что мы настоящие идиоты и есть. Вернее, Ляля.

— Если у меня нет возможности купить себе эту дурилку фруктовую, что теперь, отказываться?

— Нет возможности, ешь то, на что возможность есть, — огрызнулась я. — Картошки себе пожарь.

Ляля обиженно засопел.

— Да не бойся, не спалимся мы. Давай все доставай из коробок и в рюкзак пересыпай. Ко мне завалимся, дома доедим. А то сейчас дождь ливанет.

Вдалеке заворчал гром. Я не отводила настороженный взгляд с мужиков.

— И не пались ты так, Сима! Что ты на них вылупилась? Мы — вне подозрения.

Ляля поднялся со скамейки, закрыл меня широкой спиной и принялся пересыпать в мой рюкзак недоеденные фрукты. Я мимоходом подумала, что обязательно что-нибудь раздавлю и заляпаю школьные тетради... За что мне все это?

Из беседки мы вышли с нагруженными рюкзаками и не спеша двинулись мимо озадаченных мужиков. Пустые коробки из-под фруктов сунули под лавку.

Ляля шел как ни в чем не бывало, вразвалочку, разве что под нос себе не насвистывал, а вот я, как мне казалось, вела себя очень подозрительно. Будто мой рюкзак вдруг мог стать прозрачным или рот был в клубнике... Я быстро вытерла губы ладонью.

Я была настолько взвинчена, что, когда самый здоровый мужик окликнул Лялю, чуть не сорвалась с места, чтобы сбежать, но все-таки сдержалась. Мы притормозили, медленно развернулись и усталились на мужиков.

— Пацан, мы тут коробок не досчитались, — хрипло начал один из мужиков, направляясь к нам. — А ты тут вроде с самого утра вертелся...

От страха и предчувствия чего-то дурного сердце застучало во весь опор, и ноги ослабели. Я ухватила за Лялину руку...

Лев

Тоня металась по своему кабинету из стороны в сторону, как разъяренный тигр в клетке. Я сидел на небольшом кожаном диванчике в приемной и, скрестив руки на груди, наблюдал, как тетя не может найти себе места.

— Антонина Юрьевна, может, вы прекратите маячить туда-сюда? — насмешливо спросил я. — Уже в глазах рябит.

— Ты как с директором школы разговариваешь? — негромко рассмеялась Тоня.

Младшая сестра моей мамы, Антонина, уже пятый год работала в нашей гимназии директором. Когда мы с Лилей пришли сюда учиться в первый класс, Тоня была молодым учителем. И вот — дослужилась...

— Извините, Антонина Юрьевна, — откликнулся я.

— Ну все, не придуривайся, — вздохнула Тоня, все-таки усаживаясь в свое офисное кресло. — Мы здесь одни.

Обычно в семье мы обращались друг к другу на «ты». Субординацию мы с Лилей соблюдали только в стенах школы, да и то лишь при посторонних.

— Поможешь мне? — спросил я.

— Ты снова про этот свой музыкальный фест? — уточнила Тоня.

— Ну да.

— Ах, Лева, мне сейчас не до этого, — поморщилась Тоня.

— Тебе всегда не до этого. И что может быть важнее, чем выручить любимого племянника? — в шутку ужаснулся я.

— Смеешься? Конец учебного года на носу. А еще из головы вся эта ситуация не может выйти... Вот зачем они ее цепляют?

— Кто? — сначала не врубился я.

— Ну кто-кто... Юля и Дарья...

— А, так ты о Шац?

— Ну, конечно! О ком же еще, Левушка?

Тоня, похоже, прикипела к этой Серафиме всей душой. Еще со своих школьных времен она тесно дружила с матерью Шац, пока в их доме не произошла страшная трагедия — Сима потеряла маму. Тоня об этом мало рассказывала, говорила, что не наше дело. Да нам с Лилей и не особо интересно было, что там конкретно произошло... Сестра так и вовсе училась с Симой в разных классах и была с Шац не знакома. Но то, что Тоня носит с этой Серафимой как курица с яйцом, стало для нас с Лилей делом привычным.

— Почему они ее обижают, Лева?

— Я не вдавался в подробности, — честно ответил я. — Но твоя Сима не самая дружелюбная девочка в классе.

— И это повод ее гнобить?

— Нет, конечно, — почему-то смутился я. Мне и самому не понравилось то, что произошло на уроке. — Может, лучше обо мне поговорим? Значит, ты меня не выручишь?

Тоня словно вынырнула из своих мрачных мыслей и сделалась вдруг еще более хмурой.

— Какой ты все-таки эгоист. Хочешь, чтобы я выдумала какие-то соревнования лишь для того, чтобы ты мог уехать веселиться с друзьями?

— Ага.

— Ни за что.

— Но почему? Мама тебе поверит.

— Вот именно. А если все раскроется? Твоя мама меня никогда не простит. И будет права. Потому что врать — нехорошо, Левушка. Я ненавижу ложь! Это ни к чему хорошему не приводит...

Тоня говорила таким взволнованным голосом, что я даже немного растерялся.

— Ладно, ладно, успокойся, — сказал я. — Не хочешь меня прикрывать — не надо. Выкручусь как-нибудь без тебя.

— Левушка, только пообещай, что никуда не вляпешься. Может, это и хорошо, что Люда тебя не отпускает? Там точно будет безопасно?

— Обычная тусовка, никакого криминала. Будто ты маму не знаешь, — вздохнул я.

Отец с матерью не давали нам с Лилей нормальной жизни и постоянно все контролировали. В семнадцать тебе хочется быть героем глупой подростковой книжки. Влюбляться, дружить, совершать ошибки, сбегать из дома... А на деле же ты будто заключен в строгий учебник о том, как надо правильно...

Лиля еще не теряла надежды вырваться из родительского гнета. Воевала с мамой... Я же просто забил и перестал куда-либо отпрашиваться, помня, что у родителей есть повод быть такими. Но пропустить крупный музыкальный фест, на который мы давно собирались с Максом, я не мог. Мне безумно хотелось туда попасть, тем более с нами собиралась Аксинья... Теперь, когда у меня появилась девушка, хотелось больше свободы. Только школа, уроки и тренировки меня не устраивали.

— Прости меня, — сказала Тоня. Вид у нее был виноватый. — Мама за вас волнуется.

- Ага, будто мы маленькие.
- Ну а вы, разумеется, взрослые? — улыбнулась Тоня.
- Разумеется, Антонина Юрьевна, — улыбнулся я в ответ.

Тоня в свои тридцать семь казалась мне ровесницей, несмотря на солидную занимаемую должность. Невысокая, стройная, со светлыми, собранными в пучок волосами. Тоня с моей мамой были максимально непохожими... Родные сестры с разницей в целых восемнадцать лет.

Когда я выходил из кабинета, Тоня меня окликнула.

— Лев! — серьезным тоном начала она. Хотя Тоня единственная в семье, кто обычно называет меня ласково «Левушкой».

Я обернулся и вопросительно уставился на нее.

— Проследи, пожалуйста, чтобы Симу Шац никто не обижал.

— Это с чего бы? — нахмурился я. В телохранители к Шац я не нанимался. Учитывая, как она реагирует на помощь.

Тоня снова сделалась какой-то потерянной, и я почувствовал, как в эту секунду повисло неприятно тянущее чувство тревоги.

— Пожалуйста! Впрочем... Ладно, иди.

Оставшиеся уроки я просидел как на иголках. Отметил про себя, что Шац так и не вернулась на занятия. И если бы не странная просьба Тони присмотреть за Симой, я бы и не обратил на это внимание. Ну, решила Шац прогулять уроки, что с того? Будто впервые такое. И с чего Тоне просить, чтобы я присмотрел за этой чокнутой? Кто я ей? Нянька, что ли?

После уроков Игорь Пашнин поджидал меня на школьном крыльце. Предложил куда-нибудь закатиться вместе с ним и еще парочкой ребят из параллельного десято-

го. «Гулять — погода стремная. А домой еще неохота». Но я от его предложения отказался. Пашнин вроде как даже немного обиделся. Я подозревал, по какой причине Игорь хочет со мной сдружиться. Из-за Аксиньи и ее подруг. Ухоженные, симпатичные девочки с несколькими тысячами подписчиков в инстаграме. «И почему мне такие кисы не дают?» — вопрошал Пашнин, листая на уроке ленту инсты. А еще не раз говорил, что мне повезло с другом — Марвинным. Вот он может зацепить красивых девочек, а мне за компанию перепадает. В общем, разговоры Игоря были об одном и том же, и сам Пашнин сильно утомлял...

Я не горел желанием звать Игоря в свою компанию. Знал, что некоторые одноклассники считали меня высокомерным, но мне было плевать на это мнение. Зачем общаться с тем, кто тебе неинтересен? Только лишь из вежливости? Я всегда предпочитал жить в свое удовольствие и не распинаться перед теми, с кем мне не по пути...

Аксинью я заметил у ворот. Ветер раздувал полы ее плаща и копну золотистых волос. Аксинья меня не видела, поэтому прежде чем подойти, я остановился под старым кленом и долго ее рассматривал. Аксинья ежилась от порывов ветра и оглядывалась по сторонам, но меня все равно не замечала. Когда она полезла в сумочку за телефоном, я все-таки покинул свое укрытие, тихо подошел к ней и закрыл ладонями ее глаза. Аксинья тихо и мягко рассмеялась. Так умеет смеяться только она.

— Отучился? — спросила Аксинья, убирая мои ладони.

— Ты что здесь делаешь?

— У нас пары раньше закончились, я решила к тебе приехать. — Аксинья развернулась, и я наконец посмотрел в ее синие глаза. В них плескалась настоящая весна.

Мои губы сразу растянулись в счастливую и, скорее всего, глупую улыбку. Скверное настроение и непонятное

предчувствие беды куда-то подевалось. Все плохое сразу улетучилось. Осталась только она — Аксинья. Девушка с весной в глазах. Та, в которую я влюблен без памяти.

— Как хорошо, что ты пришла, — сказал я.

— Я знаю.

Мы целовались посреди улицы, наплевав на прохожих. Рядом с Аксиньей мне часто сносило крышу, и я не думал о последствиях. Мне не верилось, что такая красивая, взрослая, самая лучшая девушка в мире ответила взаимностью.

— Как хорошо, что ты пришла, — повторил я, глядя пальцами по ее щеке.

— Как я могла к тебе не прийти? — с улыбкой отзывалась Аксинья.

Прохладный апрельский ветер обдувал мое разгоряченное лицо. Рядом шумел старый клен. Приближалась первая гроза с молнией и пронзительным громом.

Оторвавшись наконец от поцелуев, мы взялись за руки.

— Что у тебя с брюками? — спросила Аксинья.

Я совсем забыл об этих «засохших соплях» на штанах. Запахнул куртку. Я готов был убить Дашку с Юлей за их дурацкую шутку. И Шац заодно. Вспомнил наш странный разговор с Тоней по поводу Симы и почему-то почувствовал непонятное раздражение.

— Одноклассницы принесли в школу какого-то лизуна, — буркнул я.

Аксинья смотрела на меня с нескрываемой улыбкой.

— Дети, — покачала головой она.

Меня выводила из себя привычка Аксиньи постоянно обозначать тот факт, что она старше на два года. С Марвиным они были ровесниками, но Макс никогда не высказывал своего превосходства по поводу возраста.

— Есть такое, — кивнул я.

Аксинья заметила мое недовольство и, поднявшись на цыпочки, снова чмокнула в губы.

— Ну, не дуйся, пупс.

«Пупс, малыш, детка» — эти прозвища меня тоже поначалу нервировали, но со временем я к таким обращениям в свой адрес привык. В конце концов, для меня это было единственным минусом Аксиньи.

Тут я заметил новый кулон на ее шее. Плащ был распахнут, рубашка растегнута на несколько пуговиц... Золотой, в виде небольшого сердца. Я не очень разбирался в женских цацках и ювелирке, но в кулоне явно было несколько бриллиантов. Думаю, штук сто такой точно стоит... И наверняка Лилька очень бы хотела заполучить себе подобный...

— Красивый, — кивнул я на кулон. — Новый?

Аксинья почему-то смутилась. Тонкими длинными пальцами нащупала на шее кулон. Движения у Аксиньи плавные и грациозные. И сколько же в ней женственности... Я снова завис как дурак, пялясь в зону декольте.

— Ага. Тебе правда нравится? Папа подарил.

Аксинья часто меняла наряды и украшения. Мне всегда нравилось, как она одевается и преподносит себя. Правда, иногда неприятно, что из-за этого всякие озабоченные Игорьки пускают слюни на мою девушку.

Внезапно Аксинья накрыла кулон ладонью, схватила меня за ворот рубашки и притянула к себе для поцелуя. Мы снова зависли посреди улицы; гормоны вовсю бушевали.

— Сейчас к тебе? Или ко мне? — быстро спросила Аксинья.

— К тебе, — ответил я, целуя ее. — Сегодня мама дома.

С моей матерью-контролером не скоро я смогу привести в квартиру девушку.

Аксинья снова негромко засмеялась мне в губы. Ей, студентке психфака, отец снял шикарную квартиру в самом центре. Я решил, что сейчас она вновь начнет подтрунивать на тему моей «детскости», но Аксинья оторвалась от поцелуев и серьезно заглянула мне в глаза. Теперь они были темными-темными, как грозовое небо над нашими головами.

— Ты ведь помнишь, что я тебя люблю? — спросила она, легонько коснувшись моих волос.

Я перевел дыхание.

— Помню, — ответил я. Взял ее прохладные щеки в свои ладони. Снова поцеловал.

— Идем. — Аксинья потянула меня за руку...

Послышался раскат грома, зашумел дождь. В город пришла первая весенняя гроза.

Серия третья

Сима

— Ну, вертелся, и че с того? — дерзко спросил Ляля, сжав в ответ мою ладонь. — Запрещено в своем дворе гулять?

Я же испытала настоящий панический страх. Лялин говорил с этими мужиками так развязно... Ему не хватало только под ноги им с презрением сплюнуть. И все бы ничего, если б от моего рюкзака за километр не разило этим самым дурианом...

Говорят, что на воре и шапка горит. Мне казалось, что мы с Лялей полыхаем посреди двора, как два соломенных чучела на Масленице.

— Не видел тут никого?

— Нет, не видел, — нахмурился Ляля. — Я вообще вон на турнике бил мировые рекорды.

Я вспомнила, как Лялин беспомощно болтался на турнике, и не сдержала истеричный нервный смешок. Очень не вовремя. Но Ляля, конечно, догадался что ляпнуть. Турникмэн недоделанный. Скромности ему не занимать.

В то время как Ляля божился, что никого подозрительного у машины с ящиками не видел, один из приятелей хозяина палатки впился в меня подозрительным взглядом. Сначала я решила опустить глаза. Потом уставилась на этого мужика в ответ. В его взгляде будто читалось: я все про тебя знаю, малолетка. Вытряхивай рюкзак,

воровка. Наверное, я даже побледнела... Вот за что мне эти мучения? Ведь дуриан этот проклятый мне даже не понравился! И клубника была невкусной.

Чем дольше мужик на меня пялился, тем тревожнее мне было стоять под его немигающим пристальным взглядом. Меня от напряжения аж в сторону повело, и я едва не рухнула на Лялю. А когда мужик склонился к своему другу, чтобы что-то ему сказать, я все-таки не выдержала, резко развернулась и побежала прочь со двора.

Что и говорить, а нервишки у меня в таком деле шалят. Несколько раз мы воровали с Лялей из продуктового шоколадные батончики, чипсы и чупа-чупсы... Просто так. По приколу. Но это было давно. Меня потом совесть несколько дней грызла, и все эти шоколадки были не в радость. Поэтому я зареклась когда-либо повторять былые «подвиги». А вот Ляля своим пагубным привычкам так и не изменял.

Друг тоже припустил за мной. Мужики, разумеется, ринулись следом.

Что-что, а бегали мы с Лялей быстро. Вскоре Ляля догнал меня и бросил на ходу:

— Симка, дура! Ты зачем побежала? Обошлось бы!

На улице поднялся страшный ветер, который дул в лицо, безжалостно трепал волосы, свистел в ушах. Бежать было все сложнее. Моя рубашка, повязанная на бедрах, болталась и путалась в ногах. Нагруженный рюкзак мешал. Но Ляля не сбавлял темп, поэтому я тоже не слась из всех сил, стараясь не отставать.

— Ля... Ля... Иди... ты! — сердито буркнула я, активно размахивая руками. — Все из-за те... бя! Как обычно!

Ляля хрипло расхохотался и добавил скорости. Ветер задувал в его распахнутую куртку, которую друг натянул на ходу.

— Догоняй, Шац!

Мужики уже давным-давно отстали, а мы все продолжали бежать, распутивая прохожих. Из хмурых грозовых туч все-таки хлынул ливень. Люди принялись поспешно разбегаться в стороны, прячась от дождя в арках и под навесами. Улица быстро опустела. Моя мокрая одежда отяжелела, а в боку неприятно закололо. Я первой остановилась и, даже не оглядываясь и не проверяя, есть ли еще погоня, присела на корточки и принялась тяжело дышать. Ляля, заметив, что я остановилась, тоже притормозил и вернулся ко мне. Вид у него, в отличие от меня, был ничуть не уставшим. Наверное, зря я смеялась над ним и турником. Выносливости у друга было явно больше, чем у меня.

— Они не гонятся? — спросила я, поежившись под холодными каплями дождя, ударяющими об асфальт.

— Да куда там.

— Как мы теперь домой вернемся?

Овощная палатка находилась в соседнем дворе. Шанс быть снова замеченными был очень велик.

— Не будем соваться пока в беседку, да и все, — безразлично пожал плечами Ляля.

— Из-за тебя вечно одни неприятности, — выпрямляясь, сказала я. Дыхание пришло в норму. Но в горле страшно першило. После такого выброса адреналина мы даже не обращали внимания на усилившийся дождь.

— Круто, да, вышло? — восхищенно воскликнул Ляля. — Хорошо, что ты решила сбежать. Такой адреналинчик... Хотя нас бы по-любому пронесло. Зря ты спасилась!

— Круто вышло? — скривилась я. Представила, как нам сейчас возвращаться домой под дождем. А если нас подкарауливают? — Нет, Лялин, не круто! Мы должны были с этим завязать, еще когда на краже шоколада попались.

Это был первый и последний раз, когда наша кража осталась замеченной. Тогда за нами погнался охранник супермаркета, но, разделившись, нам с Лялиным удалось удрать. Я потом очень боялась, что об этом может узнать мама. Ее бы сильно расстроил мой поступок... После того случая я, кстати, и решила завязать с Лялиными «приколами».

Ляля поднял оттопыренный мизинец в знак примирения, обнял за плечи, и мы, вместо того чтобы переждать дождь, все-таки направились обратно в сторону дома.

— Да ладно тебе, Симка. Иногда хочется чего-нибудь эдакого отведать.

Лялю воспитывала мама. Отец ушел из семьи, когда ему было два года, и бывшей жене никак не помогал. Мать Ляли перебивалась с одной низкооплачиваемой подработки на другую, денег ни на что особо не хватало. Только последние пару лет она смогла устроиться домработницей к одному успешному мужчине, и жить они стали немного лучше. Хотя по-прежнему не шиковали, конечно.

— У меня, наверное, весь рюкзак провонял чем-то «эдаким», — угрюмо сказала я.

Ляля только весело хохотнул. Его никогда и ничего не смущало... Я практически не видела друга расстроенным, грустным или напуганным... У него будто были по умолчанию отключены эти «опции». Ляля еще и заявил, что я придуриваюсь и мне самой нравится заниматься глупостями и выбрасывать адреналин, вот как сейчас. Если бы мы были разными, он никогда не стал бы со мной дружить. Как и я с ним.

Домой я вернулась вымокшая до нитки. Еще какое-то время потусовалась в подъезде, разглядывая опустевший двор. Дождь лупил в грязное окно. Мне снова было страшно заходить в квартиру. Страшно, грустно и невыносимо. По весне в такую пасмурную погоду все еще му-

чили флешбеки. Как солдата, вернувшегося с войны... Будто я зайду в квартиру, а там снова случилось что-то плохое. И все-таки, набравшись смелости, я поднялась на пролет выше, на свой этаж, открыла дверь ключами и прошла в темный коридор.

В квартире пахло сигаретами, негромко бормотал телевизор. Отец спал на диване, прикрыв лицо руками. Я подняла с пола пустой стакан и полную пепельницу с окурками. Немного прибравшись на кухне, взяла из коридора школьный рюкзак и отправилась в свою комнату. Запах от дуриана действительно стоял невообразимый. Я стянула с себя влажные джинсы и принялась их рассматривать. Может, все-таки удастся привести в порядок? Интересно, отстираются ли брюки Стаховича? Я вспомнила, как он едва не стянул с себя штаны посреди коридора, и почувствовала, как запылали щеки. Как тогда, в школе. Хорошо, что в коридоре было темно, и Стахович этого не заметил. Нет, вот все-таки придурочный.

А пока придется носить юбку, которую мне в начале сентября выдала Антонина Юрьевна. Вообще все старшеклассники сдавали деньги на дорогую форму, а мне она досталась просто так. Но я все равно не носила форму, неудобно. Только жилет иногда надевала.

Больше всего на свете мне не нравилось чувствовать себя обязанной. А с директрисой это было неизбежным. Уж слишком часто она мне помогала, особенно когда мамы не стало. И я не могла отказаться от ее помощи. Смущалась, терялась, но всегда принимала.

Зная, что отец теперь проспит до самого утра, решила не заморачиваться с ужином. Загрузила в стиралку одежду и рюкзак и ушла на кухню.

Соорудив бутерброд с сыром, уселась на подоконник. Стиральная машина монотонно гудела, дождь не стихал.

Капли кривыми зигзагами стекали с окна. На улице было так же пасмурно, как и в душе. Апрель не был апрелем. А мне хотелось настоящей весны.

* * *

Следующее школьное утро снова началось с посещения кабинета директора. Антонина Юрьевна выловила меня в коридоре недалеко от гардероба. Если бы я знала, что меня ждет такая подстава, то вообще бы в школу не явилась. День прямо с самого утра не задался. Еще и в этой юбке я чувствовала себя ужасно глупо. От плотных черных колготок непривычно чесались ноги.

— Серафима, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет, — попросила Антонина Юрьевна, когда я сдала куртку и получила номерок. — У меня к тебе дело.

Пришлось тащиться за директрисой в ее кабинет...

Уже привычно громко тикали настенные красивые часы с необычным циферблатом. Да и вообще я была здесь уже как дома. Слишком часто меня вызывали в этот кабинет. Оттого я чувствовала себя неудобно... Столько внимания к моей скромной персоне.

— Присаживайся, пожалуйста. — Антонина Юрьевна заняла свое место и указала мне на стул, придвинутый к ее рабочему столу. А вчера мы втроем сидели на диванчике...

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила я.

— Случилась история, — ответила Антонина Юрьевна, встревоженно заглядывая мне в глаза.

— Ох, блин, — выдохнула я. Маразматичка все-таки наступала директрисе, что я совсем не учусь.

— Вот-вот, — кивнула Антонина Юрьевна. — Сима, ты почему так запустила этот предмет? Галина Валентиновна встала в позу и не хочет ставить тебе тройку за год. У тебя